

И.Г. Алмазов

ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914–1918 гг. (на примере Кавказской Туземной конной дивизии (Дикой дивизии))

Первая мировая война 1914–1918 гг. оставила неизгладимый след в истории нашей страны, в том числе Кавказа. Многие народы Кавказа наравне с русским приняли активное участие в той войне. На общем историческом фоне того периода особо выделяется легендарная Кавказская Туземная конная дивизия (прозванная Дикой дивизией), воевавшая на Юго-Западном (1914–1916 гг.) и Румынском (1917 г.) фронтах Российской Императорской армии. Дивизия под командованием брата Государя Императора Николая II генерал-майора Великого князя Михаила Александровича зарекомендовала себя как одна из самых боеспособных кавалерийских частей Императорской армии своими лихими атаками на противника и способностью упорно противостоять в обороне. В смутное время конца 1917 г. Кавказская Туземная конная дивизия в числе немногих воинских частей Императорской армии сохранила верность воинскому долгу, чести и единорядности данной присяге.

Летом 1914 г. в связи с началом войны по высочайшему соизволению и согласно мобилизационным мероприятиям Военного министерства на Северном Кавказе приступили к формированию отдельной воинской части из туземного (горского) населения Терской области — Кавказской Туземной конной дивизии.

Первоначально согласно «секретной директиве Главного управления Генерального штаба за № 2885 от 8 августа 1914 г. предполагалось сформировать для сведения в дивизию, путем добровольного набора, пять конных полков и один пеший батальон, а именно:

- 1) из чеченцев и ингушей — Чеченский конный полк;
- 2) из черкесских племен адыге и абхазцев — Черкесский конный полк;
- 3) из населения Большой и Малой Кабарды — Кабардинский конный полк;
- 4) из татарских племен Бакинской и Елизаветпольской губерний — Татарский конный полк;
- 5) из лезгинских племен Дагестана — 2-й Дагестанский конный полк (в составе армии уже находился 1-й Дагестанский конный полк);
- 6) из аджарских племен Батумской области — Аджарский (пеший) батальон»

[РГА ВМФ. Ф. 955. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 — 9 об., 10].

Однако депутация ингушского народа, в которую вошли представители выборных старшин, духовенства, интеллигенции и кадровых офицеров-ингушей (всего 26 подписей), обратилась к начальнику Терской области генералу С. Флейшеру с прошением о формировании из ингушей отдельного кавалерийского полка в составе дивизии.

Ходатайство выборных ингушского народа было Высочайше поддержано и удовлетворено. В секретной директиве Главного управления Генерального штаба № 3072 от 20 августа 1914 г. было указано, что «наместник ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе, ввиду просьбы ингушского народа о формировании из охотников его среды особого Ингушского полка, возбудил ныне ходатайство о формировании названного полка на тех же основаниях, кои приняты для полков новой Кавказской Туземной конной дивизии» [РГА ВМФ. Ф. 955. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 — 11 об.].

Формирование Кавказской Туземной конной дивизии было продолжением практики создания иррегулярных воинских формирований из горцев Северного Кавказа, утвердившейся как си-

стема еще в первой трети XIX в. Принцип формирования личного состава рядовых (нижних чинов), как и во всех предыдущих случаях, был основан только на добровольной основе призыва. Всадников, достойных встать в ряды своего (национального) полка, каждое село и аул на общественных сходах выбирало на конкурсной основе из числа своих жителей. Джигиты не нуждались в казенных конях — они пришли со своими; не надо было обмундирования — они были одеты в свои черкески. Оставалось только нашить погоны. Всадники выступали в поход со своим традиционным горским холодным оружием — кинжалами и шашками. Только винтовки выдавались казенные (на вооружении всадников Кавказской Туземной конной дивизии стояли кавалерийские карабины системы Мосина и Бердана, затем, в ходе войны, к ним добавились и бельгийские кавалерийские карабины).

Унифицированный штат полка дивизии был утвержден императором Николаем II 16 августа 1914 г. [РГА ВМФ. Ф. 955. Оп. 1. Д. 6. Л. 22 — 22 об., 23–23 об.].

С горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом отзывались народы Кавказа на зов императора. Весь цвет горской молодежи поспешил в ряды шести полков дивизии, в том числе ингуши. Ингуши-добровольцы, *«присягнувшие по своей вере и закону на верность российской службе»*, составили отдельный кавалерийский полк.

Полки дивизии получили названия по признаку этнической принадлежности личного состава: Кабардинский и 2-й Дагестанский полки (1-я бригада), Татарский (Азербайджанский) и Чеченский полки (2-я бригада), Ингушский и Черкесский полки (3-я бригада) [РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 108. Л. 236, 269].

Офицерский состав Ингушского конного полка насчитывал 22–24 офицера. Строевых нижних чинов было 480–500 всадников, а вместе с нестроевыми (т.н. обозными, писарями, денщиками и т.д.) — 643–645 человек. Жалованья полагалось всадникам дивизии 25 руб. в месяц, за каждую полученную боевую награду была предусмотрена дополнительная прибавка к жалованью.

Об исключительном внимании императора Николая II к новой дивизии кавказских горцев свидетельствует тот факт, что

командиром ее 23 августа 1914 г. назначается младший брат императора генерал-майор Свиты Его Величества Великий князь Михаил Александрович [Опрышко 2007: 11]. Известный русский полководец времен Первой мировой войны генерал-адъютант А.А. Брусиллов в своих мемуарах «Мои воспоминания», вспоминая о Великом князе Михаиле, писал: *«Я очень его любил, как человека безусловно честного и чистого сердцем, <...>, стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь привилегиями Императорской фамилии <...> Он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг»* [Брусиллов 1963: 260].

Когда в ходе формирования дивизии спешно понадобился офицерский состав, в дивизию хлынули все те, кто еще перед войной вышел в запас или даже в полную отставку.

Главное ядро дивизии составляли, конечно, кавалеристы, но прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формой, а также обаятельной личностью царственного командира, в эту дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой матросов Балтийского флота.

Кавказская Туземная конная дивизия чуть ли не с первых дней своего существования в дополнение к своему официальному названию получила неофициальное — «Дикая дивизия». Если вначале в это название вкладывалось впечатление о своеобразном отношении ее всадников к военно-уставным требованиям, то с первых боевых отличий это неофициальное название наполнилось подлинным уважением соратников по оружию и столь же подлинным страхом и даже ужасом, которые она навела на противника своими яростными и лихими кавалерийскими атаками.

Дивизия с первых дней своего существования стала стремительно приобретать черты одной из самых боеспособных и элитных частей русской армии. Этим можно объяснить и присутствие большого количества представителей высшей российской и кавказской знати в офицерском корпусе дивизии. В их числе наиболее известными из русской знати были: князья Гагарин, Вадбольский, Святополк-Мирский; графы Толстой, Кел-

лер, Воронцов-Дашков, Лодыженский, Старосельский; бароны Врангель, Ропп. Грузинские князья: Чавчавадзе, Дадиани, Орбелиани, Багратиони, а также прямой потомок царей Иверии Светлейший князь Георгий Грузинский. Кабардинские князья: Бековичи-Черкасские и Хагандоковы. Ханы Эриванские. Дагестанские шамхалы Тарковские. Иностранцы: француз, правнук знаменитого сподвижника императора Франции Наполеона маршала Мюрата (позднее Неаполитанский король Наполеон III) храбрый кавалер Его Высочество принц Мюрат Наполеон Ахиллович, англичане на русской военной службе полковники Бертрэн и Альбрехт; были двое итальянских маркизов — импозантные братья Альбици. Польская знать была представлена величественным князем Станиславом Радзивиллом. За фанатичную храбрость и отвагу, сочетающиеся с природной дипломатичностью и тонкостью манер, пользовался большим авторитетом и уважением в дивизии Персидский принц Фазулла-Мирза из древней шахской династии Каджаров, а также многие другие представители русской знати, грузинских, армянских и горских князей, финских, шведских и прибалтийских баронов. По блеску громких и титулованных имен Кавказская Туземная конная дивизия («Дикая дивизия») могла соперничать с любой элитной гвардейской частью, и многие офицеры в черкесках могли увидеть свои имена на страницах Готского альманаха [Алмазов 2003: 90]. Такой блестящей кавалерийской дивизии никогда еще не было в русской армии и никогда, вероятно, не будет.

Формирование дивизии преследовало следующие отчетливо выраженные цели.

Политическая цель. Необходимо было показать миру, что непокорные в прошлом горцы Северного Кавказа стали ныне ревностными защитниками России. Именно для подчеркнутого обозначения этой идеи во главе дивизии был поставлен представитель Императорского Дома.

Военная цель. Организаторы подчеркивали огромную пользу использования в военных целях прекрасных боевых качеств горцев — прирожденных воинов и наездников.

Полицейско-административная цель. Начальник Терской области генерал-лейтенант Флейшер настойчиво напоминал Военному министерству о необходимости удаления на германо-австрийский фронт «наиболее беспокойной части местного населения» с учетом того, что намечается участие Турции в войне против России. На практике эта цель была реализована далеко не в той форме и степени, в какой это планировалось начальством Терской области.

Царской администрацией на Кавказе в этих же целях согласно Высочайшим Императорским Указом объявлялась амнистия всем без исключения *абречествовавшим* и по каким-либо причинам преступившим закон горцам при условии их добровольного вступления в ряды формирующихся горских военных частей. Этим не преминули воспользоваться многие горцы-абреки.

Создание Ингушского конного полка завершилось к октябрю 1914 г.

Недостатка в добровольцах не было, и это потребовало довольно тщательного отбора всадников. Служить в полку было делом престижным.

Командиром Ингушского полка 1 сентября 1914 г. был назначен полковник Г.А. Мерчуле — лихой кавалерист и спортсмен, преподаватель Офицерской кавалерийской школы в Гатчине, одной из резиденций русских императоров [Алмазов 2003: 90].

В октябре 1914 г. состоялся парадный смотр всех полков сформированной Кавказской Туземной конной дивизии во Владикавказе. На этом дивизионном смотре Ингушский конный полк был единственной частью, которая вынесла на парадный смотр Георгиевское знамя, украшенное белым Георгиевским крестом и Георгиевскими лентами. Оно было заслужено офицерами и всадниками Ингушского конно-иррегулярного дивизиона за подвиги в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и представляло собой яркое свидетельство доблести и отваги отцов и дедов.

По завершении торжественного смотра Георгиевское знамя вновь заняло свое почетное место в Атаманском зале дома Терского генерал-губернатора рядом с Почетным знаменем, врученным ингушскому народу еще в 1841 г. за верность и преданность

России. Все остальные полки дивизии вплоть до 1915 г., когда им были вручены обычные полковые знамена, ранее заслуженных штандартов или знамен не имели. На последующих парадных смотрах корпуса и дивизии, которые проходили уже в действующей армии, Ингушский конный полк вывозил в строй лишь свое боевое полковое знамя.

В войну Ингушский полк вместе с дивизией вступил в конце осени 1914 г. в составе 8-й армии под командованием талантливого полководца генерал-лейтенанта А. Брусилова. В ноябре 1914 г. ингушские всадники, перейдя в районе г. Броды государственную границу России с Австро-Венгрией, углубились на территорию Галиции, по которой уже с боями продвигались войска Юго-Западного фронта.

До конца войны Кавказская Туземная конная дивизия попеременно входила в состав 2-го, 3-го и 4-го Армейский конных корпусов. Большую часть войны дивизия провела в 9-й армии генерала Лечицкого на Юго-Западном фронте и лишь несколько месяцев на Румынском фронте [Алмазов 2003: 91].

Современники, и военные специалисты в первую очередь, давали очень высокую оценку боевым качествам полков «Дикой дивизии». Особенно выделялся ими факт шестнадцати кавалерийских атак частей и подразделений дивизии только в одном 1916 г., кстати, самом насыщенном боевыми победами русской армии за всю войну, достигнутыми в основном войсками Юго-Западного фронта под командованием генерал-адъютанта Брусилова.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) сохранился весьма интересный документ — «Наградной лист Ингушского конного полка», врученный полку за февральское сражение у деревни Цу-Бабина, в которой ингушские всадники оказали существенную помощь Станиславской группе войск фронта:

«15 февраля 1915 г. <...> Ингушский конный полк, совместно с Черкесским конным полком, переправившись вброд и вплавь под сильным обстрелом противника через два рука-

ва реки Ломница у деревни Банин, атаковал частью в конном, частью в пешем строю батальон противника с шестью пулеметами, занимавшего и укрепившегося у деревни Цу-Бабина. Несмотря на сильный и близкий ружейный и пулеметный огонь как из Цу-Бабина, так и с фланга, от Студзянка, а также перекрестный орудийный огонь от деревень Вистова и Беднарова, Ингушский полк ворвался в деревню, выбил из окопов и домов австрийцев, гнал их через лес и частью сотен овладел главной позицией противника у деревни Беднарова. Батальон противника был рассеян, взято 54 пленных. <...> На следующий день противником были очищены соседние (к западу) переправы у Студзянки и Вистова» [РГВИА. Ф. 3641. Оп. 1. Д. 11].

В ходе этого скоротечного боя австрийцы потеряли убитыми около 320 нижних чинов и трех офицеров. За геройское дело у Цу-Бабина Ингушский конный полк был представлен к награждению почетными серебряными трубами. Представление Высочайшим приказом было удовлетворено [Алмазов 2013: 137].

За успешные бои зимой 1914 — весной 1915 г. в Карпатах и Галиции офицеры, унтер-офицеры — всадники Ингушского конного полка получили десятки орденов, сотни Георгиевских крестов и медалей, причем некоторые всадники по несколько раз, увеличивая степени своих Георгиевских крестов и медалей. Но воины Ингушетии умели не только смело атаковать, но и упорно обороняться.

Весной 1915 г. в результате Галицкого прорыва австро-германских войск армии Юго-Западного фронта вынуждены были отступать. В арьергарде их, умело сдерживая нападающего численно превосходящего противника, действовали всадники из «Дикой дивизии».

Архивные документы свидетельствуют:

«Со 2-го Мая 1915 г. на части Кавказской Туземной конной дивизии, в том числе и на Ингушский конный полк, была возложена задача удерживать выдвинутую позицию на правом

берегу реки Прут. Противник неоднократно пытался сбить полк с позиции, но всякий раз благодаря инициативе и распорядительности полка терпел неудачу. Так продолжалось до 25-го мая, когда противник обошел наш правый фланг и полки дивизии получили приказ прикрывать отход наших сил на позиции у Днестра. На долю Ингушского конного полка выпало быть арьергардным полком прикрытия дивизии. Тут во всей мере проявил свою доблесть славный командир полка полковник Г.А. Мерчуле. Так, 27 мая у села Ясенево-Польный, чтобы удержать противника, он лично повел дивизион в дерзкую атаку, которая настолько ошеломила неприятеля, что он приостановил наступление и дал нам возможность занять заранее подготовленные позиции на левом берегу реки Днестра. При этом не было оставлено в руках неприятеля <...> ни одной винтовки, ни одного фунта фуража. 28 мая неприятель подошел к реке Днестру, который от села Усечки до села Залешиков охранял Ингушский конный полк. Все неоднократные попытки неприятеля переправиться на наш берег были отбиты, причем полковник Г.А. Мерчуле обходил позицию, ободрял теплым словом до крайности измученных и утомленных четырехдневными непрерывными боями людей. Сам командир полка, являя собою неотрывное целое со своим полком, также все четыре дня не отдыхал ни минуты, <...> отдаваясь всецело бою» [РГВИА. Ф. 3641. Оп. 1. Д. 3].

Под стать своему командиру были и всадники Ингушского полка.

И снова наступление. В дни знаменитого летнего (1916 г.) Брусиловского прорыва русских армий «Дикая дивизия» была передана в поддержку войскам 41-го Армейского корпуса, находившегося в авангарде наступающих армий. 15 июля 1916 г. офицеры и всадники Ингушского конного полка подтвердили свою доблесть. В этот день с раннего утра части корпуса прорвали оборону противника. Оставалось лишь упорно обороняемое германцами в центре фронта корпуса небольшое галицийское селение Езержаны. В ходе двух фронтальных атак, не добившись

успеха и понеся большие потери, отступили полки Заамурской пехотной дивизии. После очередной неудачи замурцев командир 3-й бригады кавказцев генерал-майор князь Гагарин получает приказ взять Езержаны. Князь решает бросить на село, в неожиданную для противника атаку, все четыре сотни Ингушского конного полка. На рассвете 15 июля Ингушский и Черкесский полки скрытно вышли на рубежи атаки, и после короткого сигнала штаб-трубача полки кавказцев стремительно и с яростью обрушились на германцев. В центре фронта атакующих находились сотни ингушей, черкесы же смело поддерживали атакующих на флангах.

Цитирую изложение хода атаки по официальному приказу, изданному 25 июля 1916 г.:

«Доблестные 1-я, 2-я и 3-я сотни Ингушей, пройдя на рысках справа посотенно цепи “замурцев”, лихо развернулись в широкую боевую лаву. Уступами вправо и влево от шоссе под командою Подполковника Абелова, имея в головном уступе 1-ю сотню Штабс-ротмистра Баранова, в правом — сотню Ротмистра Апарина, в левом — Штабс-ротмистра Султана Бек-Борова, а за центром — 4-ю сотню Поручика Крым-Султана Базоркина. Руководимый своим командиром Полковником Мерчуге, полк со свойственной ему удалью кинулся в атаку под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем германцев, отчаянно защищавших селение Езержаны <...> Порыв ингушей вызвал восторженное “Ура!” доблестных Заамурских полков, перешедших за ингушами в решительное наступление.

Первою врुбилась в передовые ряды германцев и, переколов их никами, ворвалась в Езержаны в 7 ½ часов вечера ингушская сотня Штабс-ротмистра Баранова, правее ее (врुбилась. — И.А.) сотня ротмистра Апарина и за ними сотня поручика Базоркина. Сотня же Штабс-ротмистра Султана Бек-Борова бросилась на высоту, откуда неприятель поразил фланговым огнем нашу атакующую лаву и куда пытались спастись отступающие из с. Езержаны германцы.

Несмотря на упорное сопротивление германцев на каждом перекрестке улиц, во дворах и в домах, откуда их пришло выбивать огнем и даже кинжалами. Все же к 8-ми часам вечера с помощью ингушей и селение Езержаны было окончательно в наших руках. Лишь только вошли в село наступавшие передовые цепи “замурцев”, ингуши бросились преследовать германцев, отступивших из деревни к северу. Здесь была замечена вдали взятая на передки батарея орудий, на которую и налетели ингуши. Спротивлявшееся прикрытие батареи было частью перерублено кинжалами и шашками. Прислуга, обрезав построжки, ускакала. Пять тяжелых шестидюймовых, совершенно исправных орудий с угломерами и зрительной трубой и с двадцатью зарядными ящиками было взято ингушами, кроме того пленными — 109 нижних чинов при одном офицере. <...> Преследование разбитых германцев прекратилось лишь с наступлением полной темноты. Пал смертью храбрых в лихой атаке командующий 4-й сотней Поручик Крым-Султан Базоркин, тяжело ранен командир 3-й сотни Штабс-ротмистр Султан З. Бек-Боров, ранены и 19 всадников, скончались от полученных ран еще 18 ингушей».

«Вечная память храбрым джигитам», — писал в своем приказе по дивизии генерал-лейтенант князь Дмитрий Багратион [РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 150. Л. 392–395 об.]. Кроме того, были ранены 38 всадников и выбыло 60 лошадей.

Генерал-майор князь Гагарин, находившийся при 4-й сотне ингушей, узнав об итоге боя, в 20 часов 30 минут прискакал в Езержаны, где были собраны все захваченные трофеи и пленные германцы. По свидетельству современников, князь был в восторге от храбрости и доблести его ингушей и черкесов.

В результате этой блестящей атаки были полностью разбиты и перестали существовать считавшиеся отборными германскими частями 46-й и 58-й прусские пехотные полки, с которыми опасались соприкоснуться не только воинские части западных союзников, но и части русской армии.

Столь подробного внимания этот подвиг ингушских воинов заслуживает по всем канонам. Оценка и значение этой атаки ярко были изложены в приказе по 41-му Армейскому корпусу и в сообщении Штаба Верховного Главнокомандующего в газете «Русский инвалид» — одном из официальных печатных органов Военного министерства России.

Атака ингушей явилась, пожалуй, самым громким успехом «Дикой дивизии» и одним из заметных дел русской кавалерии в Первой мировой войне. Этот редкий пример атаки кавалерии против пехоты стал предметом изучения военной науки и вошел в труды по тактико-оперативному использованию кавалерии против пехоты во встречном бою. Этот беспримерный бой описывается генералом Красновым в знаменитом тактическом труде «Двенадцать славных дел русской кавалерии в войне 1914 г.».

Во время июньского наступления войск Юго-Западного фронта ингушские всадники вновь отличились в боях под Галичем — крупным центром Восточной Галиции. Отражая яростные атаки противника, они выстояли целый день под ураганным артиллерийско-пулеметным и ружейным огнем австро-германских войск и помогли тем самым попавшему в сложное положение 223-му одоевскому пехотному полку удержать позиции на окраине села Ционжув. В результате был прочно обеспечен правый фланг наступавшей XIX пехотной дивизии. 27 июня (10 июля) 1917 г. Галич был взят русскими войсками.

Особенность «Дикой дивизии» состояла и в том, что она в числе немногих соединений и частей русской армии в период революционной смуты — после Февральской революции 1917 г. — сохранила верность данной присяге, военный порядок и высокую боеспособность своих частей. Именно поэтому 9 июля 1917 г. в дивизию пришла телеграмма от командующего Юго-Западным фронтом генерала Л. Корнилова следующего содержания:

«По случаю Священного мусульманского праздника Курбан-Байрам передайте от моего имени боевой привет офицерам и всадникам вашей доблестной дивизии, покрывшей себя новой славой в боях у Калуша и Новица. Положение на фронте

11-й армии таково, что мне нужна там беззаветная доблесть, твердость в исполнении долга и несокрушимая мощь доблестных полков вашей дивизии. Я твердо верю, что, забыв усталость, она двинется, не ожидая конца праздников, в указанный ей район, чтобы помочь мне восстановить положение на фронте 11-й армии» [Вейсбах 1991: 47].

Дивизия не обманула ожиданий знаменитого генерала. Она внесла решающий вклад в устранение паники, погромов и грабежей со стороны отступавших в беспорядке деморализованных войск, что случилось в результате позорного провала армии в ходе июньского наступления на фронте.

Однако «Дикая дивизия» не позволила втянуть себя в политическую авантюру, связанную с корниловским мятежом в августе-сентябре 1917 г.

Брошенная в числе корниловских войск на Петроград, она в последний момент отказалась от участия в непродуманных и дурно пахнувших политических маневрах верхов России. Причем ближе всех к Петрограду подошли конные авангарды Ингушского конного полка, шедшего впереди наступавшей дивизии. Командир Ингушского конного полка полковник А.Б. Котиев, в мае 1917 г. сменивший полковника Г.А. Мерчуле, придерживался отностительной лояльности к «новой революционной власти».

Так закончилась фронтовая жизнь Кавказской Туземной конной дивизии, прозванной в русской армии «Дикой дивизией», а вместе с ней фронтовая жизнь Ингушского конного полка.

По проекту Военного министерства, который был весьма заинтересован в сохранении одной из самых боеспособных частей русской армии, какой являлась Кавказская Туземная конная дивизия («Дикая дивизия»), ее доукомплектовали в корпус. Предполагалось развернуть ее в отдельный мощный Армейский корпус. Однако к концу 1917 г. русская армия была измотана на фронтах Первой мировой войны, развалена неумелыми действиями бездарного командования и вконец деморализована вследствие революционного хаоса и смуты, окончательно воцарившейся в России после Октябрьского переворота 1917 г. Естественно, все

планы Военного министерства относительно Кавказской Туземной конной дивизии канули в Лету.

История Ингушского конного полка весьма богата примерами личного мужества и отваги, верности присяге, долгу и боевому товариществу, понимания чуть ли не каждым всадником, что за его действиями стоит не только честь и репутация родной семьи, своей фамилии (тейпа), но и целого народа.

И в этом для нас непреходящая ценность жизни и подвигов людей, имеющая большие возможности не только для военно-патриотического воспитания, но и для духовно-нравственного совершенствования подрастающего поколения.

Даже первичное обращение к истории этого славного полка способно укрепить в этом убеждении. Только будучи движимы подобными чувствами, десятки простых ингушских парней смогли за полтора-два года войны совершить чудеса храбрости и отваги, стать полными георгиевскими кавалерами, получить юнкерские и первые офицерские чины.

Упомянем по именам хотя бы некоторых из них. Это Арчак Г. Арчаков, братья Хаджи-Мурат и Мусса-Хаджи Местоевы, Хадис Аушев, Бета Гагиев, Мурат и Хаджи-Бекир Мальсаговы, Магомед Фаргиев, Батырбек Осканов, Хасултан Евлоев, Магомед Боголов и Асланбек Г. Маматиев, геройски погибший летом 1916 г. в бою под с. Грушки в Галиции [Алмазов 2008: 45].

В первый офицерский чин — прапорщик — был возведен даже полковой мулла Товбот-Хаджи Ц. Горбаков. Не в знак уважения к его священному сану, а вполне заслуженно — за боевые заслуги. Не обязанный по положению ходить в атаки или отбивать неприятеля из окопов, этот убеленный сединами старец по доброй воле и вполне профессионально исполнял и первое, и второе дело. Несколько боевых орденов и медалей, офицерский чин были заслужены им личной храбростью и отвагой. Имея такого духовного наставника, Ингушский полк являл собой нечасто встречающийся в армиях случай весьма удачного сочетания боевой и духовной службы [Там же: 46].

Кроме вышеупомянутых ингушских офицеров полка, невозможно не назвать и некоторые имена других офицеров-ингушей,

составивших его заслуженную боевую славу. Это ротмистр Гуда Гудиев, поручики Дунда Добриев, Магомед Бекбузаров, Магомед-Султан Дахкильгов, Умат-Гирей Куриев, Заурбек Т. Бек-Боров (бывший генерал Персии; в полку служили два его сына — штабс-ротмистр Султан и корнет Измаил Бек-Боровы), корнеты Дудар Добриев, Султан Долтмурзиев, Созырко Мальсагов, подпоручики Муса Аушев, Кагерман Дудаев, Эльмурза Гулиев, Алисхан Плиев, прапорщики Бексултан И. Бекмурзиев, Арсануко Добриев (в полку служили офицерами два его сына и племянник), князя братья Беслан и Зураб Маршани и многие другие.

Кавалерами самых почетных боевых наград среди офицерской элиты русской армии — ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия — стали ингуши-генералы Сосланбек Бекбузаров, Сафарбек Т. Мальсагов, Эльберт Нальгиев, Тонт Укуров, полковник Асланбек Б. Котиев, один из первых ингушских артиллеристов подполковник Касим Долгиев, поручики Крым-Султан и Николай Базоркины, Султан Д. Долтмурзиев, подпоручик Асланбек Г. Маматиев и др. [Алмазов 2008: 47].

Ингушский конный полк, службу в котором за время войны прошло более 1500 этнических ингушей, после прибытия в октябре 1917 г. на Кавказ в период революционных катаклизмов стал надежным щитом, прикрывшим свой народ от многих кровавых бед. В этом состоит его большая заслуга перед Ингушетией, Кавказом и Россией. Как и другие национальные полки, Ингушский полк прекратил свое существование в январе 1918 г. Ветераны «Дикой дивизии» — офицеры и всадники — явились основой для созданных в марте 1918 г. Вооруженных сил Ингушетии, принявших участие в защите национальных интересов народа в годы Гражданской войны.

Вплоть до государственного переворота в октябре 1917 г. и последовавшей за ней окончательной деморализации и развала русской армии горцы Северного Кавказа достойно проходили службу во многих частях русской армии, в том числе в элитных.

Сформированные из северокавказских горцев соединения в периоды всех внешних войн Российской империи с начала XIX в. и вплоть до 1917 г. отличались верностью присяге, воин-

скому долгу, лихостью кавалерийских атак и бесстрашием в действиях на особо опасных участках фронтов.

Добровольческие воинские формирования и горская военная элита, созданные из представителей народов Северного Кавказа, внесли неоценимый большой вклад в защиту южных рубежей Отечества, вписали славные страницы в летопись русской армии в XIX — начале XX в.

И как бы ни складывалась политическая конъюнктура в молодых государственных образованиях Северного Кавказа, как бы ни пытались замолчать или опорочить боевое содружество русских и горских воинов антинародные политические силы в России, незабвенная память о бескорыстном боевом товариществе в сознании народов не изгладить, не вытравить.

В заключение хотелось бы отметить, что высокие боевые качества войск, сформированных из представителей горских народов Северного Кавказа, личная преданность абсолютного большинства горской аристократии и военной интеллигенции (офицерства) российским монархам во многом были обусловлены продуманной, гибкой политикой российской администрации, проводившейся в XIX в.

Список сокращений

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Библиография

Алмазов И.Г. Становление ингушской военной интеллигенции // Научная мысль Кавказа. 2003. № 4.

Алмазов И.Г. Ингушская военная интеллигенция в русской Императорской армии. Назрань, 2008.

Алмазов И.Г. Ингуши — Георгиевские кавалеры Российской Императорской армии, XIX–XX вв. Ростов н/Д, 2013.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Вейсбах Э.М. Лавровая ветвь Лавра. М., 1991.

Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения... Нальчик, 2007.